
А. П. ПАВЛОВ, К. В. ПЕТРОВ

ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ (1926–2017)¹

Имя Юрия Георгиевича Алексеева (1926–2017) хорошо известно в исторической науке. Он принадлежит к числу наиболее крупных и разносторонних исследователей проблем русского Средневековья. Им опубликовано почти две сотни работ, в которых затрагиваются самые различные аспекты истории Русского государства XIV–XVI вв. Весьма широк и разнообразен круг научных интересов Юрия Георгиевича — проблемы социально-экономической, политической и военной истории, истории русского законодательства.

Юрий Георгиевич родился 15 апреля 1926 г. в Ленинграде². Его отец, Георгий Михайлович Алексеев, был инженером-кораблестроителем. Мать Ю. Г., Наталья Андреевна (Генриховна), урожденная Берг, была преподавателем французского языка. Великая Отечественная война застала семью Алексеевых в Ленинграде. В феврале 1942 г. умер отец Ю. Г., Георгий Михайлович, а вскоре Ю. Г. с матерью были эвакуированы из блокадного Ленинграда в Тбилиси. В ноябре 1943 г. Ю. Г. был призван на военную службу в военно-морской флот. В сентябре 1945 г. Ю. Г. поступает в Каспийское Высшее Военно-морское училище (г. Баку), а спустя год, в сентябре 1946 г., переводится в Высшее Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе (Ленинград), по окончании которого в 1949 г. он в качестве офицера служит на кораблях ВМФ и погранвойск. Параллельно с 1949 г. Ю. Г. являлся студентом заочного отделения исторического факультета Ленинградского государственного университета. После тяжелого ранения при исполнении служебных обязанностей в

¹ Первая часть статьи написана А. П. Павловым, вторая — К. В. Петровым.

² Подробнее о биографии Ю. Г. Алексеева см.: *Петров К. В.* Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // *Российское государство в XIV–XVII вв. : сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева.* СПб., 2002. С. 6–30; *Арачьев В. А., Стрельников С. В.* Юрий Георгиевич Алексеев // *Исследования по истории средневековой Руси : К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева.* М. ; СПб., 2006. С. 5–24; *Штыков Н. В.* Юрий Георгиевич Алексеев — профессор Санкт-Петербургского государственного университета // *Русское средневековье : сб. статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева.* М., 2012. С. 3–9.

январе 1952 г. Ю. Г. был переведен на береговую службу, а в ноябре 1953 г. в звании старшего лейтенанта он увольняется в запас. В 1954 г. Ю. Г. с отличием окончил исторический факультет ЛГУ. Его научным руководителем в университете был выдающийся ученый, специалист по русской истории XII–XVII вв. Иван Иванович Смирнов, который оставался Учителем Ю. Г. и в последующие годы. По окончании университета Ю. Г. некоторое непродолжительное время работал в качестве научного сотрудника Артиллерийского музея в Ленинграде. В ноябре 1957 г. он был зачислен в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ), по окончании которой в 1961 г. был принят на должность младшего научного сотрудника Института, с 1969 г. он был переведен на должность старшего, а с 1986 г. — ведущего научного сотрудника. Параллельно с работой в ЛОИИ с 1980 г. Ю. Г. преподает в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена (ныне РГПУ). В 1992 г. Ю. Г. оставляет ЛОИИ (тогдашнее наименование Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН), а также преподавательскую деятельность в Герценовском педагогическом университете (РГПУ) и переходит в Санкт-Петербургский государственный университет на кафедру истории исторического факультета (ныне Институт истории СПбГУ), где продолжал работать до конца своих дней. Однако Ю. Г. не порывал научных связей с ЛОИИ (СПБНИИ РАН), участвуя в заседаниях ученого совета, являясь членом специализированного диссертационного совета Института.

I

Исследования Ю. Г. Алексеева по аграрной и социальной истории Руси XV–XVI вв.

Уже в начале научной деятельности во всем блеске проявился разносторонний исследовательский талант Ю. Г. Большое влияние на формирование Ю. Г. как историка оказал его Учитель И. И. Смирнов, под руководством которого он защитил кандидатскую диссертацию «Землевладение Переяславского уезда XV – начала XVI вв.» (1963) и продолжал в дальнейшем работать над изучением социально-экономической и политической истории России XIV–XVI вв. Во многом благодаря тесному общению с И. И. Смирновым (а также с другими коллегами по ЛОИИ и прежде всего с А. И. Копаневым и Н. Е. Носовым) Ю. Г. вышел на изучение фундаментальных и дискуссионных проблем изучения истории русского феодализма. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в советской исторической литературе происходит перелом в осмыслении вопроса о генезисе феодализма на Руси. До 50-х гг. прошлого столетия в советской историографии господствовала концепция Б. Д. Грекова,

согласно которой уже во времена Киевской Руси происходило становление и развитие феодальных отношений, в основе которых лежали рост княжеских и боярских вотчин и процесс вовлечения в сферу феодальной эксплуатации некогда свободных общинников-смердов. Основным недостатком этой концепции являлась явная переоценка уровня развития крупной земельной собственности в древнерусский период. Принципиально иная точка зрения на проблемы феодализма в Древней Руси была выдвинута Л. В. Черепниным. В ряде статей 50-х гг. и монографии «Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.» (М., 1960) Л. В. Черепнин, обосновывая положение о феодальном характере древнерусского общества, сформулировал концепцию верховной собственности на землю государства, которое выступало по отношению к крестьянам-общинникам в качестве феодала, взимающего с них ренту-налог. Согласно Л. В. Черепнину, черные земли представляли собой разновидность феодальной собственности, поскольку их собственником выступало феодальное государство в лице великого князя; крестьяне-общинники являлись лишь пользователями земли. В 1950-х гг. к проблемам социально-экономической истории Руси XII–XV вв. обратился И. И. Смирнов, Учитель Ю. Г. Алексева. В 1963 г. вышла первая часть запланированной им монографии, посвященная периоду XII–XIII вв.³

Согласно И. И. Смирнову, основным моментом социальной истории Древней Руси являлся рост феодальной земельной собственности за счет экспроприации феодалами общинных крестьянских земель и вовлечения в сферу феодальной эксплуатации свободных общинников — смердов⁴. В этом плане позиция И. И. Смирнова во многом смыкается с позицией Б. Д. Грекова. В то же время И. И. Смирнов показывает, что свободная крестьянская община сохраняет значение одного из основных социальных институтов; она противостоит феодальной вотчине, хотя и отступает под ее натиском. Вслед за окончанием монографии о социально-экономических отношениях XII–XIII вв. должна была последовать вторая часть исследования И. И. Смирнова под названием «Крестьяне феодальной Руси XIV–XV вв.», но, к сожалению, это исследование осталось незавершенным⁵. Но в своей развернутой рецензии на монографию Л. В. Черепнина «Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.» он сформули-

³ Смирнов И. И. Очерки социально-экономической истории Руси XII–XIII вв. М., 1963.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Валк С. Н. Иван Иванович Смирнов // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России : сб. статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. Л., 1967. (Труды ЛОИИ ; вып. 9). С. 35, 39–40.

ровал основные положения своей концепции⁶. И. И. Смирнов выразил решительное несогласие в положении Л. В. Черепнина о верховной собственности феодального государства на землю и обосновал мнение о том, что и в XIV–XV вв. сохраняется свободная крестьянская община в виде черной волости, наследницы верви Русской Правды; при этом общинная земельная собственность противостояла собственности феодальной (вотчинной).

Исследование аграрной и социальной истории Руси XIV–XVI вв. в намеченном И. И. Смирновым русле предпринял Ю. Г. Алексеев на материалах центрального Переяславского уезда. Первая публикация Ю. Г. по этой теме появилась в 1960 г.⁷ Первую часть своего исследования о землевладении Переяславского уезда в XV – начале XVI в. Ю. Г. защитил в 1963 г. в качестве кандидатской диссертации⁸. Завершающим этапом исследования стал выход в свет в 1966 г. монографии Ю. Г., в которой обстоятельно и детально был прослежен процесс эволюции землевладения Переяславского уезда, раскрыты сложные перипетии взаимоотношения различных форм земельной собственности в уезде на протяжении более чем двух столетий⁹. В центре внимания работы Ю. Г. — судьба черной крестьянской волости в одном из центральных уездов страны. До сих пор история черной волости в среднерусской полосе была слабо исследована в историографии. Причина этого в значительной степени кроется в особенностях источниковой базы — материалы о черной крестьянской волости центра страны известны лишь по источникам неволостного происхождения, преимущественно по монастырской документации, в которой жизнь волости отражена односторонне, лишь через призму ее взаимоотношения с монастырем. Поскольку монастыри хранили только документы о выигранных ими спорах с соседями, их документация не вполне адекватно отражает историческую действительность. Ю. Г. Алексееву потребовалось большое источниковедческое мастерство, чтобы извлечь из сохранившегося комплекса монастырских актов (жалованных грамот, судебных списков, разъезжих грамот, купчих и т. д.) информацию о составе черной волости, ее населенности, внутреннем устройстве и управлении, правовом

⁶ Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV–XIV вв. (по поводу исследования Л. В. Черепнина «Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.») // История СССР. 1962. № 2. С. 138–161; № 3. С. 137–162.

⁷ Алексеев Ю. Г. Волость в Переяславском уезде XV в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М. ; Л., 1960. (Труды ЛОИИ ; вып. 2). С. 228–256.

⁸ Алексеев Ю. Г. Землевладение Переяславского уезда XV – начала XVI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963.

⁹ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М. ; Л., 1966.

статусе, характере и объеме взимаемых повинностей в пользу государства. Заслужой Ю. Г. является введение в научный оборот новых источников о землевладении Переяславского уезда, прежде всего межевой книги вотчин Троице-Сергиева монастыря 1557–1559 гг., содержащей ценнейшую, объективную информацию о землях, соседствующих с монастырем в середине XVI в. Сопоставление данных межевой книги 1550-х гг. с сохранившимся актовым материалом XV–XVI вв., а также с известными межевыми книгами того же Троице-Сергиева монастыря 90-х гг. XVI в. дало Ю. Г. возможность представить широкую и объективную картину эволюции землевладения в Переяславском уезде на протяжении двух столетий. Ретроспективно были использованы Ю. Г. Алексеевым материалы переяславских писцовых книг 1620-х гг., позволившие полнее подвести своеобразные итоги развития социальных процессов в уезде к началу XVII в. Весьма широко применены в работе Ю. Г. Алексеева методы исторической географии. Упомянутые в актах и писцовых описаниях селения тщательно наносились исследователем на карту, что позволило более наглядно представить картину землевладения в уезде и его эволюцию. Успешно были использованы в исследованиях Ю. Г. данные топонимики и антропонимики. Так, проследив связь топонимики феодального владения с именами холопов, Ю. Г. пришел к важному выводу о наличии в составе холопского населения вотчины значительной группы непосредственных производителей — холопов на пашне¹⁰.

Тщательные источниковедческие разыскания, комплексный анализ различных видов исторических источников (включая нарративные¹¹) позволили Ю. Г. Алексееву впервые в исторической литературе представить полную и всестороннюю картину эволюции землевладения и социальных отношений в одном из важных районов в центре страны на протяжении XV–XVI столетий.

На конкретном локальном материале Переяславского уезда Ю. Г. приходит к выводу о принципиальном различии черной крестьянской волости и феодального владения (вотчины) как двух противоположных социальных организмов. Если феодальная вотчина представляла собой привилегированное земельное владение, основой хозяйственного существования которого являлась эксплуатация зависимого населения, то основная масса жителей черной волости — это мелкие свободные крестьяне, владельцы деревень (как правило, в один-два двора), не пользовавшиеся никакими привилегиями (ни административными, ни судебными, ни податными) и несущие тягло в пользу государства.

¹⁰ Там же. С. 120–122.

¹¹ Так, при изучении ранних этапов становления вотчины Троице-Сергиева монастыря были широко использованы сведения из Жития Сергия Радонежского.

Основой свободы волостного крестьянина являлось право свободного распоряжения своими земельными участками. На материалах Переяславского уезда Ю. Г. показал процесс довольно активной мобилизации земельных владений внутри общины и отсутствие прочной привязанности волостного крестьянина к своему земельному участку (деревне). Как отмечает Ю. Г., «социальное и юридическое лицо волостного человека определялось прежде всего именно его связью с волостью, принадлежностью к волости, а не владением той или иной деревней»¹². Являясь собственностью владельца, земля (аллод) волостного человека вместе с тем не перестает быть частью волостной общинной территории, с которой он тесно связан как своим происхождением, так и в хозяйственном отношении (совместное пользование угодьями)¹³.

Вслед за своим Учителем И. И. Смирновым Ю. Г. рассматривает черную крестьянскую волость как организм, лежавший вне сферы феодальных отношений, а сам факт ее сохранения в центре страны — как свидетельство незавершенности процесса становления феодальных отношений. Именно в борьбе между общиной и вотчиной (или, что то же самое, между свободным крестьянином и феодалом) за землю, людей и права Ю. Г. Алексеев видит основное содержание аграрной и социальной истории Северо-Восточной Руси XV–XVI столетий¹⁴. Ю. Г. убедительно раскрывает основные этапы упадка крестьянской волости в рассматриваемом регионе под воздействием роста феодального землевладения. Уже на первом этапе (XV – начало XVI в.) происходит заметное ослабление волости. Проявлением этого были усиленное проникновение на территорию волости княжих слуг с тенденцией постепенного превращения черной волости в дворцовую — «частную собственности государя-феодала», отчуждение волостных земель «на сторону» и захват волостных земель и угодий соседями-феодалами. Тем не менее, как показывает Ю. Г., черная волость XV – начала XVI в. продолжала сохранять значительный удельный вес в Переяславском уезде, одном из центральных и феодализируемых районов страны; не утратила волость и своей жизнеспособности для ведения борьбы против натиска феодалов. Следующим этапом наступления феодалов на крестьянскую

¹² Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 22.

¹³ Там же. С. 23. Положение о том, что по отношению к своему участку-аллоду волостной крестьянин выступал не как временный держатель, а как собственник и что источником его прав на землю являлась принадлежность к волости, Ю. Г. Алексеев развил позднее на материалах другого региона Замосковского края — Костромского уезда (Алексеев Ю. Г. Черная волость Костромского уезда в XV в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. С. 72–84).

¹⁴ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. С. 3.

черную волость стала первая половина XVI в. Сопоставление материалов межевых книги вотчин Троице-Сергиева монастыря 1557–1559 гг. с актовым материалом конца XV – первой половины XVI в. позволило Ю. Г. наглядно и убедительно показать изменения, произошедшие в землевладении Переяславского уезда за первую половину XVI столетия, сущность которых заключалась прежде всего в сокращении количества черных земель вследствие усиления их перехода в руки помещиков и вотчинников. Завершающим этапом распада черного волостного землевладения в уезде явилась вторая половина XVI в. В этот период (прежде всего в годы опричнины) происходят массовые раздачи черных земель в поместья, а также усиление правительственного контроля над волостью и увеличение тягла. К важным выводам о судьбе черной крестьянской волости Переяславского уезда во второй половине XVI в. Ю. Г. пришел путем сравнения данных межевых книг Троице-Сергиева монастыря 1557–1559 гг. и 1592/93 г.: если в 50-х гг. среди соседей монастыря еще довольно заметно присутствие черных земель, то в 90-е гг. практически все эти земли (за исключением лишь некоторых районов в южной части уезда) оказались во владении помещиков и вотчинников.

Второй важной темой при изучении Ю. Г. Алексеевым аграрной и социальной истории Переяславского уезда стала эволюция феодального землевладения. Несмотря на то что данная тема давно являлась объектом пристального внимания историков, Ю. Г. Алексееву удалось внести в ее изучение значительный вклад. Так, в отличие от С. Б. Веселовского, рассматривавшего пути возникновения мелкой феодальной вотчины преимущественно через призму измельчания и обеднения отдельных ветвей боярских вотчинных родов, Ю. Г. Алексеев показывает и другой путь становления мелкой вотчины — через разложение волости и выделение из общины крестьянина-аллодиста, сумевшего в результате приобретательской деятельности создать владение более или менее значительных размеров и получить юридический статус феодала, т. е. окончательно порвать связи с волостью¹⁵. Весьма обстоятельно была изучена Ю. Г. Алексеевым история монастырского землевладения в Переяславском уезде и эволюция землевладения Троице-Сергиева монастыря, который в XVI в. становится крупнейшим земельным собственником в рассматриваемом регионе. Одна из главных тем исследования Ю. Г. — история светского феодального землевладения. Как показывает Ю. Г., уже в первой половине XVI в. происходило интенсивное развитие поместного землевладения, возраставшего за счет раздачи черных земель. В то же время Ю. Г. приходит к важному выводу о том, что вотчинное землевладение, вопреки распространенному мнению в историографии, еще продолжало сохранять свою жиз-

¹⁵ Там же. С. 50–51.

неспособность. Данное положение Ю. Г. раскрывает, в частности, при рассмотрении судеб вотчин братьев А. М. и П. М. Плещеевых на рубеже XV–XVI вв., одних из крупнейших старинных землевладельцев Переяславского уезда, которые активно покупали новые вотчинные земли; причем новые приобретения Плещеевых доминировали над их старыми наследственными вотчинами. Анализ данных межевой книги 1550-х гг. и актов показал относительную устойчивость состава землевладельцев Переяславского уезда в первой половине XVI в. — большинство их принадлежало к родам, известным еще с XV в. Зачастую представители старых переяславских вотчинных родов владели в уезде одновременно и поместьями (как правило, поблизости от своих вотчин); поместья служили своего рода дополнением к родовым вотчинам¹⁶. По материалам межевых книг 50-х и 90-х гг. XVI в., писцовых книг 20-х гг. XVII в., десятен, актов и других источников Ю. Г. проследил коренные перемены в судьбах светского феодального землевладения в уезде во второй половине XVI в. под влиянием опричной политики. Произошел катастрофический упадок вотчинного землевладения. На месте бывших старинных вотчинных владений середины XVI в. источники конца XVI – начала XVII в. фиксируют поместья. Произошли решительные перемены в самом составе землевладельцев уезда — большинство старинных вотчинных фамилий к концу XVI в. утрачивает земельные связи с уездом. С другой стороны, в уезде появляются многочисленные представители новых родов, к которым переходят земли старых переяславских вотчинников уже, как правило, в качестве поместий. Значительный урон вотчинному землевладению Переяславского уезда, как показывает Ю. Г. вслед за С. Б. Веселовским, нанесли резко участвовавшие в годы опричины вклады вотчин в монастыри. В конце XVI в. доминирующее значение в светском землевладении Переяславского уезда получает поместье. По приведенным Ю. Г. данным, из 53 владельцев конца XVI в., статус владений которых известен, 41 человек (около 80 %) являлись помещиками, тогда как по межевой книге вотчин Троице-Сергиева 50-х гг. на 53 помещика приходилось 80 вотчинников, т. е. помещиков было всего около 40 %.

Произошедшие к концу изучаемого времени перемены в землевладении Переяславского уезда, ознаменованные уничтожением черной волости и существенным потеснением старой вотчины поместьем, Ю. Г. Алексеев рассматривает как начало нового этапа в аграрной и социальной истории России — этапа «безраздельного господства феодального поместья с его развитой системой крепостнической эксплуатации», как завершающий этап процесса феодализации русского общества¹⁷.

¹⁶ Там же. С. 166.

¹⁷ Там же. С. 185, 225.

Исследования Ю. Г. Алексеева истории землевладения Переяславского уезда XV–XVI вв. стали крупным, заметным событием в отечественной историографии и выдвинули его в число ведущих историков-аграрников. Ю. Г. являлся одним из активных участников развернувшейся в 1960–1980-х гг. в советской историографии дискуссии о природе черносошного крестьянского землевладения и генезисе феодальных отношений в средневековой Руси, отстаивая вместе с другими ленинградскими историками (прежде всего со своими коллегами по ЛОИИ Александром Ильичом Копаневым и Николаем Евгеньевичем Носовым), в противовес сторонников концепции Л. В. Черепнина о верховной собственности феодального государства на землю, точку зрения о свободном владении черносошными крестьянами своими землями и о черной крестьянской волости как антиподе феодальной вотчины¹⁸. В 1960 – начале 1970-х гг. Ю. Г. Алексеев принял участие в подготовке первых двух томов фундаментального коллективного труда «Аграрная история Северо-Запада России», основанного на комплексном исследовании писцовых материалов по Северо-Западному региону. Перу Ю. Г. принадлежат разделы по аграрной истории Водской пятины и, кроме того, в обобщающих разделах первых томов коллективной монографии им были подведены общие итоги изучения эволюции поместного землевладения в Новгородских пятинах в XV–XVI вв.¹⁹ Ю. Г. отметил основные тенденции развития поместного землевладения в Северо-Западном регионе (во многом сходные с тем, что происходило в центре страны — Переяславском уезде) — увеличение фонда поместных земель (главным образом за счет мелких поместий), относительная устойчивость фамилльного состава помещиков в первой половине XVI в. (1500–1540 гг.) и значительная смена генеалогического состава помещиков во второй половине века (прежде всего под влиянием опричнины). Ю. Г. делает важный вывод о том, что, несмотря на жестокий хозяйственный кризис 70–80-х гг., приведший к массовому запустению земель, «роль помещиков как основного ядра господствующего класса возрастает в течение всего XVI в., а поместная система широко распространяется в масштабе всей страны»²⁰.

Своеобразным итогом многолетних разысканий Ю. Г. Алексеева по истории поместного землевладения стала его совместная с А. И. Копаневым

¹⁸ Подробнее о характере этой дискуссии и участии в ней Ю. Г. Алексеева см.: *Петров К. В.* Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории. С. 10–16.

¹⁹ Аграрная и социальная история Северо-Запада России : Вторая половина XV – начало XVI в. / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. С. 184–226, 333–336 ; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974. С. 141–170, 270–274.

²⁰ Аграрная история Северо-Запада России XVI века : Новгородские пятины. С. 273–274.

невым статья «Развитие поместной системы в XVI в.» (1975)²¹. Становление и развитие поместной системы рассматриваются авторами на общем историческом фоне эволюции землевладения конца XV–XVI в., в контексте судеб черной крестьянской волости и старой феодальной вотчины. Авторы статьи выделяют основные этапы утверждения поместной системы в центре и северо-западе страны. На первом этапе (конец XV в.) поместная система создается и растет за счет конфискованных у новгородских бояр и монастырей земель, но еще не ломает традиционного строя земельных отношений на основной территории государства; черная волость сохраняется на значительных территориях центральной части страны и массовых раздач черных земель феодалам не происходило. На втором этапе (первая половина XVI в.) развитие поместной системы шло главным образом за счет оброчных и дворцовых земель северо-запада и черных волостей центра; при этом феодальная вотчина остается без существенных изменений. На третьем этапе (вторая половина XVI в.) происходит разрушение свободного крестьянского (черного) землевладения, а также старой феодальной вотчины; черное землевладение сохраняется преимущественно лишь на севере страны. Уничтожение остатков старой крестьянской свободы и окончательное торжество поместно-крепостнической системы в конце XVI в., заключают авторы статьи, определили основное направление развития страны на века вперед.

II

Источниковедение в трудах Ю. Г. Алексева

Уже в своих ранних трудах по истории землевладения Ю. Г. Алексева, как отмечалось выше, выступил как тонкий и талантливый исследователь-источниковед. При этом сохранялось главное — интерес к простой повседневной жизни людей. В конце концов это привело его к исследованию Псковской судной грамоты. Наверное, можно сказать иначе, Псковская судная грамота (далее: ПСГ) была способом для того, чтобы лучше понять обыденную жизнь людей той эпохи. В этом смысле обращение Ю. Г. к изучению правил, которыми руководствовалось общество, было естественным продолжением проблем, интересовавших исследователя. Они интересовали его не сами по себе, с одной стороны, как отражение реального поведения людей, с другой стороны, как их модель. С этой точки зрения одной из задач, которые ставил перед собой Ю. Г., было «воссоздание исторической действительности». Другой

²¹ Алексева Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. : сб. статей, посвящ. памяти Алексея Андреевича Новосельского. М., 1975. С. 57–69.

задачей было рассмотреть динамику развития отношений, которые отражены в сохранившихся актах XV в.²²

Изучение двух сборников с сохранившимися списками ПСГ, прежде всего их конвоя, позволили сделать вывод о том, что они восходят к двум различным протографам. Один из них (Синодальный список, далее: С) составлялся в Москве, другой (Воронцовский список, далее: В) — в Вологде или на Белоозере. Ю. Г. обратил внимание на то, что в список В содержит чернильные инициалы только в части передачи теста ПСГ, в других статьях сборника киноварь использована достаточно широко. Тест списка С содержит пустые места на месте начальных инициалов, которые, как думал Ю. Г., предполагалось выполнить киноварью. Это, в свою очередь, означает, что оба списка в деталях, в написании текста, следуют своим протографам. И, кроме того, данное обстоятельство указывает на несовпадение их протографов, они отличаются по архитектонике передачи текста ПСГ и не восходят друг к другу.

Между прочим, отсюда следует, что само деление текста на условные абзацы путем проставления инициалов было устойчивым в передаче текста ПСГ. Это наблюдение было позже использовано Ю. Г. при анализе списка Судебника 1497 г. Более того, данное наблюдение дало веское основание для нового деления текста на «статьи». В соответствии с традиционным делением, введенным в науку первооткрывателем памятника Н. Н. Мурзакевичем и позднее ставшим широко используемым благодаря изданию «Христоматии» М. Ф. Владимирского-Буданова, текст ПСГ делился на 112 статей. Ю. Г., основываясь на палеографических данных, предложил иное деление текста. В общей счете также получилось 112 статей²³. Вообще, как писал сам Ю. Г., на необходимость деления текста ПСГ на «статьи» по инициалам указывал В. Г. Гейман в конце 1930-х гг. в своей неопубликованной работе о ПСГ²⁴.

В исторической литературе к тому времени сформировались различные подходы к изучению структуры ПГС. Одним из них был «формально-структурный подход» (Н. В. Калачов, И. Э. Энгельман, П. Н. Мрочек-Дроздовский), недостатком которого было представление о том, что текст ПСГ с течением времени лишь дополнялся новыми статьями, предшествующие и внесенные в ПСГ нормы уже не под-

²² *Алексеев Ю. Г.*: 1) Вопросы истории текста Псковской судной грамоты // ВИД. Л., 1979. Т. 11. С. 48–68; 2) Палеографические наблюдения над списками Псковской судной грамоты // ВИД. Л., 1978. Т. 10. С. 70–103; 3) Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 4.

²³ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время ... С. 8–9.

²⁴ Там же. С. 10. Примеч.

вергались изменениям²⁵. Второй подход, условно обозначаемый как «логически смысловой», был представлен в работах П. Е. Михайлова, М. К. Рожковой, Б. Б. Кафенгауза, Л. В. Черепнина. В нем проявилось стремление рассматривать структуру ПСГ с точки зрения истории текста, содержания его норм. Все-таки каждое исследование вносило нечто новое в существующие знания о ПСГ в частности, и псковском обществе XIV–XV вв., в целом. Между тем в значительной степени они носили субъективный характер, отражая представления исследователей о структуре текста, исходя, с одной стороны, из содержания норм ПСГ, с другой — из их «привязки» к конкретным историческим событиям. Б. Б. Кафенгауз интересовал «исходный» текст ПСГ, в результате он создал текст ПСГ с логически выдержанной системой статей. Но дело в том, что это был уже «принципиально новый памятник, структура которого не имеет ничего общего с известным нам текстом, называемым Псковской Судной грамотой»²⁶. Позднее, говоря о реконструкции исходного текста Русской Правды, которую провел А. А. Зимин²⁷, Ю. Г. отметил, что «это занятие чрезвычайно интересное, но практически бесполезное», так как невозможно использовать реконструкцию для решения исторических проблем. Л. В. Черепнин полагал, что практика составления княжеских уставов, регулирующих однородные отношения, известная нам по более раннему времени, отразилась в тексте ПСГ, и, по существу, ее текст представляет собой свод ряда княжеских уставов²⁸.

В отличие от своих предшественников (Б. Б. Кафенгауза, Л. В. Черепнина), Ю. Г. считал важным учитывать расположение норм в тексте, а также смысловое содержание норм. В этом отношении Ю. Г. отмечал, что «система юридического мышления» людей XIV–XV вв. отличалась от современного мышления. Однако, в отличие от современных постмодернистов, Ю. Г. полагал, что это не ведет к непроходимой пропасти между современностью и изучаемой эпохой. Право, как система правил, «в основе своей рационально, логично и объяснимо»²⁹.

В частности, он обратил внимание на то, что если в начале текста правила ПСГ в определенной степени упорядочены, т. е. посвящены одним и тем же явлениям в жизни людей, то к концу текста нормы ПСГ становятся менее упорядоченными. Иначе говоря, энтропия возрастает к концу текста, или, как писал Ю. Г., «систематизация материала явно убывает по мере приближения к концу памятника»³⁰. С точки зрения

²⁵ См.: *Алексеев Ю. Г.* Структура текста Псковской судной грамоты // ВИД. Л., 1981. Т. 12. С. 13–17.

²⁶ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время ... С. 19.

²⁷ *Зимин А. А.* Правда Русская. М., 1999.

²⁸ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 439–443.

²⁹ *Алексеев Ю. Г.* Структура текста Псковской судной грамоты. С. 22.

³⁰ *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время ... С. 10.

структуры текста ПСГ распадается на три части. Первая часть — статьи [1–41] (или 1–50 по традиционной нумерации) — содержит систематизированный текст, объединенный в тематические разделы. Вторая часть, статьи [42–94] (51–98), сочетает систематизированный и несистематизированный текст. В третьей части, в статьях [95–120] (99–120), господствует несистематизированный текст³¹.

Объяснение этому, как полагал Ю. Г., следует искать в истории текста. По существу, речь следует вести об источниках и порядке складывания текста ПСГ. Ю. Г. считал, например, принципиально важным, что существующие правовые тексты (Новгородская судная грамота, Судебник 1497 г.) начинаются с указания на судебные органы и их полномочия³².

Первый этап создания ПСГ, как его представлял Ю. Г., заключался в создании в 1397 г. первого «свода» (редакции), включавшего в себя «выписки» из грамоты великого князя Александра Невского с «приписками псковских пошлин». Вторая редакция возникла в промежуток между 1409–1424 гг., когда текст подвергся изменениям и дополнениям. Наконец, третья редакция — сохранившийся текст — был создан после 1462 г. Однако, сколько бы редакций мы ни выделяли, Ю. Г. настаивал на том, что к тексту ПСГ нельзя относиться как механической сумме статей, или пытаться обуславливать их появление конкретными событиями, поскольку у исследователей нет никакой уверенности в том, что какие-либо правила не были изменены в течение времени бытования ПСГ.

При изучении правового памятника Ю. Г. считал важным учитывать его целевое назначение. Действительно, правовой текст использовался для разрешения конкретных споров, следовательно, он отражал историческую действительность того общества, в котором создавался. К подобным текстам нельзя без достаточных оснований применять традиционные методы текстологического анализа текста. Вот почему, рассматривая содержание норм ПСГ и находя в них параллели с нормами Закона Судного Людем (далее: ЗСЛ) или древнерусского перевода Эклоги, Ю. Г. был предельно осторожен в выводах о заимствовании их норм в ПСГ³³. Он в принципе считал вероятным, что составитель текста ПСГ был знаком с древнерусским переводом Эклоги³⁴. Однако одно дело заимствование — утверждение, требующее серьезных аргументов, и совсем другое дело, что, обратившись в ЗСЛ, исследователь может понять содержание некоторых терминов ПСГ.

³¹ Алексеев Ю. Г. Структура текста Псковской судной грамоты. С. 24–28.

³² Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время ... С. 12.

³³ Там же. С. 48.

³⁴ Там же. С. 68.

С точки зрения целевого назначения земельного акта Ю. Г. подходил к вопросу о его появлении³⁵. Земельный акт возникает «на границе общины», когда соседи не могут быть свидетелями о владельце участка, поскольку он находится вне общинных земель. Это «росчисти», участок, очищенный от леса и пригодный для возделывания. Это — «лешая земля» ст. 10 ПСГ. В данном случае в качестве единственного доказательства права являются грамоты³⁶. Иначе говоря, появление земельной частной (не общинной) собственности на землю «крестьянского типа» ведет к необходимости письменной фиксации прав, а значит, к появлению земельного акта³⁷.

Принципиальным было также то, что в своих исследованиях Ю. Г. не спешил обозначить наблюдаемое в актах явление с точки зрения господствовавшей теории, «вписать» ее в контекст развития феодализма или иной теории. Проводя анализ псковских актов, опубликованных Л. М. Марасиновой, он отмечал, что скупка земли является процессом «сколачивания мелкой вотчины крестьянского или феодального типа»³⁸. Поскольку нет достаточных данных, то нет оснований даже для того, чтобы назвать ее вотчиной феодального типа³⁹.

В начале 1980-х гг. в рамках работы Института истории СССР и его Ленинградского отделения было задумано новое издание Грамот Великого Новгорода и Пскова. Ю. Г. подготовил комментарии к псковским грамотам. Однако издание не состоялось; комментарии не были изданы и ныне утрачены⁴⁰.

³⁵ О различных подходах к этой проблеме см.: *Панеях В. М.* Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки) // *Панеях В. М.* Историографические этюды. СПб., 2005. С. 125–151 (= ВИД. Л., 1994. Т. 25. С. 19–40).

³⁶ *Алексеев Ю. Г.* Частный земельный акт феодальной Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты) // ВИД. Л., 1974. Т. 6. С. 135–140.

³⁷ Спустя много лет после выхода статьи Ю. Г. Алексеева эта проблема была поднята заново, но на материалах Великого княжества Литовского А. И. Грушей. Белорусский историк рассматривает рост формализации способов доказывания права в контексте процесса секуляризации (*Груша А. И.*: 1) Недоверие — не из-за него ли появился письменный акт? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 131–156; 2) Почему общество Великого княжества Литовского стало нуждаться в правовом документе?: (К постановке проблемы) // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: К 80-летию Сергея Михайловича Каштанова: материалы XXIV междунар. науч. конф. М., 2012. С. 251–253).

³⁸ *Алексеев Ю. Г.* Псковские купчие XIV–XV вв. // ВИД. Л., 1976. Т. 7. С. 146.

³⁹ Ср. позицию исследователей, которые на основании наблюдений о видах и количестве сохранившихся актов делают выводы об уровне социального, политического и экономического развития общества. Например: *Каштанов С. М.*: 1) Общие тенденции развития документирования в канцеляриях средневековой Руси // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 100–110; 2) К теории и практике сравнительного источниковедения // *Норна у источника Судьбы: сб. статей в честь Е. А. Мельниковой*. М., 2001. С. 158–168 и др.

⁴⁰ Книга В. Л. Янина «Новгородские акты XII–XV вв.. Хронологический комментарий» (М.: Наука, 1991) является частью этой большой неизданной работы.

Естественно, что в своих исследованиях Ю. Г. обращался не только к актовому материалу. Работа над историей второй половины XV в., эпохой великого княжения Ивана III, привела к необходимости исследования всех доступных источников.

Вообще обращение к эпохе Ивана III было логичным следствием выводов, полученных Ю. Г. при изучении социальных отношений XIV–XV вв. и ПСГ. Оказалось, что традиционное догматическое социальное противоречие — феодалы и зависимые крестьяне — не является всеобъемлющим. В ряде случаев, как оказалось в истории Псковской земли, интересы крестьян (смердов) вступали в противоречие с интересами «черных» людей городской общины, грань социальных конфликтов пролегла между псковичами и жителями псковской округи. Следовательно, во многом социальное развитие обусловлено политикой, которую проводили носители власти. Иначе говоря, государственный строй, «вечевые порядки» (выборность «магистратов») и иные признаки, формально достаточные для определения «лучшего общественного устройства», на самом деле таковыми не являются. Все зависит от конкретной политики в определенных исторических условиях. Неспособность Псковского веча государственного разрешить социальные конфликты, с одной стороны, и военная несостоятельность — с другой, предопределило его дальнейшую судьбу — постепенную интеграцию в состав Московского великого княжества⁴¹. Сразу встал вопрос: насколько политическая ситуация в Пскове была близка к ситуации в Новгороде, насколько типичными были причины, которые привели к краху Псковского государства? С этой точки зрения в фокусе интересов Ю. Г. оказалась эпоха Ивана III, его личность, его политика, его сподвижники, созданный им аппарат управления.

В 1978 г., еще в процессе изучения ПСГ, Ю. Г. приступил к более детальному и всестороннему изучению эпохи Иван III. В 1980 г. вышло исследование о ПСГ, а к середине 80-х была закончена новая работа объемом около 40 авторских листов. Этот вариант работы не сохранился. Работу пришлось разбить на две части; при этом авторский замысел было нарушен: упрощена аргументация, изменена система ссылок, текст был приближен к требованиям издательства («Мысль»). Исследование вышло в виде двух монографий: «Под знаменами Москвы. Борьба за единство Руси» (М. : Мысль, 1992) и «Освобождение Руси от Ордынского ига» (Л. : Наука, 1989). Тогда же Ю. Г. подготовил

⁴¹ *Алексеев Ю. Г.*: 1) Москва и Псков накануне включения Пскова в состав Русского государства (60–70-е гг. XV в.) // Археология и история Пскова и Псковской земли : тезисы докл. научно-практ. конф. Псков, 1986. С. 7–8 ; 2) Господин Псков и великокняжеская власть в 80-х гг. XV в. // Славяно-русские древности. Вып. 3 : Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 136–147.

две научно-популярные работы: «Государь всея Руси» (Новосибирск : Наука, 1991), «“К Москве хотим”: Закат боярской республики в Новгороде» (Л. : Лениздат, 1991). Обе книги стали, несмотря на свой жанр, важной частью общей концепции Ю. Г.

Изучение отечественной истории второй половины XV в. опирается на ограниченный круг источников. Помимо актов к ним относятся летописи, некоторое число нормативных текстов и нарративный материал. К нормативным актам XV в. кроме ПСГ относятся Белозерская уставная грамота 1488 г. и текст, известный в науке как «Запись что тянет душегубством к Москве».

Изучив сборник РНБ. Q.XVII.58, в котором помещена «Запись что тянет душегубством к Москве» (далее: «Запись»), Ю. Г. пришел к выводу о том, что сборник состоит из двух частей, переписанных в одно и то же время и сшитых владельцем. При этом протограф сборника основан на документах великокняжеского архива и содержит акты, которые датируются временем не позднее начала 1440-х гг. Текст «Записи», вслед за А. А. Зиминим считал Ю. Г., отражает расширение юрисдикции великого князя⁴².

После выхода в свет работ Ю. Г. о «Записи», появились новые работы, посвященные данному тексту. В 2003 г. В. А. Кучкин, предложил датировать бумагу рукописи 1470-ми гг.; составление текста «Записи» исследователь предлагает относить к середине — концу 30-х гг. XV в.⁴³ В. А. Аракчеев полагает, что текст «Записи» был создан одновременно между 12 сентября 1472 и 14 сентября 1483 гг. и был нацелен на расширение полномочий великокняжеских наместников-третников на территории Москвы после присоединения удела князя Юрия Дмитровского к территории, непосредственно управляемой великим князем. Некоторые нормы «Записи» были действующими вплоть до сохранения последних уделов, до середины XVI в.⁴⁴

⁴² Алексеев Ю. Г. «Запись что тянет душегубством к Москве». Некоторые вопросы датировки и содержания // Российское самодержавие и бюрократия : сб. статей в честь Н. Ф. Демидовой. М. ; Новосибирск, 2000. С. 50–63.

⁴³ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. М., 2003. С. 272, 273–274, примеч. 9.

⁴⁴ Аракчеев В. А. «Запись о душегубстве». Административно-судебная практика великих московских князей в XV в. // Известия Уральского гос. ун-та. 2008. № 59. С. 25–37. Не кажется нам убедительной интерпретация термина «заповедь». Думается, более правомерна позиция С. Б. Веселовского: «заповедь» — запрет. Кстати подобное и недвусмысленное понимание термина («презрев священная правила и царскую заповедь и соборное оуложение») раскрывается в выписи из указа Ивана IV Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину о надзоре за нравственностью священнослужителей от апреля 1552 г. (Аракчеев В. А. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. Прил. 3. С. 475).

В декабре 2009 г. на заседании Круглого стола научного семинара журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» с докладом, посвященным «Записи», выступил В. В. Бочкарев. Он полагает, что ряд интерполяций текста «Записи» был выполнен разными людьми в разное время. Это, как полагает исследователь, свидетельствует о его неофициальном характере⁴⁵.

Достоинством изучения «Записи», проделанной Ю. Г., является, в частности, то, что сугубо источниковедческие и текстологические наблюдения получают статус возможности большей вероятности с учетом смысла самого текста и в общеисторическом контексте. Представляется, данное обстоятельство является существенным — источниковедческие выводы могут быть признаны в случае, если они согласуются или по крайней мере не противоречат тенденциям развития общества в каждый конкретный исторический период.

Значительное место в решении целого ряда общеисторических проблем занимает Белозерская уставная грамота 1488 г. Грамота регламентирует деятельность наместников, устанавливает гарантии прав местного населения, ограничивает иммунитеты, определяет сословные права горожан. Однако источниковедческое изучение грамоты имеет существенные ограничения — единственный сохранившийся список грамоты не позволяет сделать определенные палеографические и текстологические наблюдения и выводы.

В данной ситуации для решения вопроса о смысле грамоты Ю. Г. привлек все имеющиеся ресурсы — сохранившийся актовый материал, в первую очередь правые грамоты и судные списки XV в.⁴⁶ Сравнив их с нормами грамоты, Ю. Г. пришел к выводу о том, что в ней были закреплены обычаи. Значение этого заключалось в распространении обычно-правовых правил на всю территорию великого княжества⁴⁷. В отличие от нее, например, Двинская уставная грамота отражает

⁴⁵ Бочкарев В. В. К изучению «Записи что тянет душегубством к Москве» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 22–23.

⁴⁶ Ю. Г. оценивал сохранившиеся правые акты в количестве примерно 150 актов (Алексеев Ю. Г. Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместничьего суда // ВИД. Л., 1991. Т. 23. С. 214). Сейчас благодаря специальным исследованиям эти данные можно скорректировать. За период 1416–1564 гг. У. Е. Головачева насчитывает 235 актов (Головачева У. Е. Судьи по земельным делам в Русском государстве XV – середины XVI в.: персональный состав, должностное и социальное положение : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012). А. А. Калашникова выявила 296 актов за период 1416–1550 гг.

⁴⁷ Алексеев Ю. Г.: 1) Белозерская уставная грамота 1488 г. — первый законодательный акт единого русского государства // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. : тезисы докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 13–15 ; 2) Белозерская Уставная Грамота 1488 г. — закон Русского государства о местном управлении // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. 1998. № 9, вып. 2. С. 3–17.

иной процесс — регламентация прав наместника⁴⁸. Следовательно, как писал Ю. Г., традиции самоуправления и судебного противодействия злоупотреблениям наместников со стороны населения — все это родилось не в ходе реформ 1530–1550-х гг., а сохранялось с незапамятных времен⁴⁹.

Особое место среди источников занимают византийские правовые тексты в древнерусском переводе. Их Ю. Г. привлекал для изучения ряда терминов⁵⁰. Тем не менее он очень осторожно относился к вопросу об их использовании в юридической практике. «Культурное влияние Византийской империи... на все православные государства Восточной Европы несомненно», — писал он⁵¹. Использование византийских юридических текстов в практике церкви как социальной организации известно⁵². Совсем другое дело — применение текстов в повседневной юридической практике⁵³. Наличие близких по смыслу норм права может доказывать лишь то, что в разных обществах возникают примерно одни и те же проблемы и что разрешаются они похожим образом. Ю. Г. считал вероятным (как было показано еще М. И. Бенеманским) дискретное использование норм византийского права при решении спорных дел церковными судами⁵⁴. Даже схожесть формуляров актов в конечном

⁴⁸ *Алексеев Ю. Г.* Белозерская уставная грамота и некоторые вопросы социальной политики Ивана III // Проблемы социально-экономической истории России : К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб., 1991. С. 96.

⁴⁹ *Алексеев Ю. Г.* Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместничьего суда // ВИД. Л., 1991. Т. 23. С. 220.

⁵⁰ Например: *Алексеев Ю. Г.*: 1) Статьи о «вдачестве» (опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов) // ВИД. Л., 1978. Т. 9. С. 148–173; 2) Челядин-наймит Правосудия митрополичьего // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 41–48.

⁵¹ *Алексеев Ю. Г.* Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместничьего суда. С. 221.

⁵² Например: *Максимович К. А.* Византийская практика публичного покаяния в Древней Руси: терминология и проблемы рецепции // *Rivista Romana*. 1995. Vol. 2. P. 7–24 // *Горина Л. В.* К истории духовно-культурных связей Византии, Болгарии и Руси (Русская кормчая второй половины XIII в.) // *Славяне и их соседи : Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья : сб. тезисов XX конф. памяти В. Д. Королока*. М., 2001. С. 31–33; *Баранкова Г. С.* Сборники дидактического характера, обращенные к иереям и мирянам // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. № 3 (53). С. 10–11.

⁵³ См.: *Петров К. В.* К вопросу о рецепции византийского права в домонгольской Руси // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 3 : Третьи чтения памяти академика Л. В. Милова. М., 2013. С. 38–44.

⁵⁴ Ю. Г. понравилось выражение Джорджа Вэкхарда: «Возможно, непосредственное влияние римского права на русское в своем развитии заключалось не в заимствовании положений византийских кодексов, но в разделении права на светское и церковное» (*Weickhardt G.* Pre-Petrine Law and Western Law : The Influence of Roman and Canon Law // *Камень Краеугольный. Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward Keenan on his Sixtieth Birthday (= Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19)*. Cambridge, 1997. P. 763).

счете predeterminedена сущностью правовой сделки. Иначе говоря, закономерности в развитии документации обусловлены закономерностями в правовой жизни различных обществ⁵⁵. С другой стороны, обсуждение вопроса о влиянии и тем более о переносе («трансфере»), использовании правовых норм нельзя вести без учета контекста. В частности, в XIV–XV вв. Византийская империя, в силу постепенно нарастающего политического и административного кризиса, не могла быть «образцом» для великокняжеской власти⁵⁶. Несмотря на распространенность на Руси текстов византийского права, основой судебной и уставной деятельности власти могла быть лишь «реальная жизнь Русской земли, реальная сложившаяся юридическая практика, то есть обычное право, осознанно или неосознанно воспринимаемое князьями»⁵⁷.

Процесс консолидации древнерусских земель, независимо от характера и последствий, наиболее наглядно отражен в духовных грамотах московских великих князей и договорных грамотах князей московского княжеского дома. Важная черта духовных грамот заключается в постепенном — на протяжении XIV–XV вв. — усложнении формы и содержания акта. При этом, как писал Ю. Г., будучи актами, содержащими волю отца и обладающими безусловным авторитетом, духовные «в принципе каждый раз заново конструируют систему уделов». Однако «конкретизация и детализация взаимоотношений наследников — дело их самих, оно отражается в их договорных грамотах, составляемых на основе духовной»⁵⁸. Союз князей московского дома, оформляемый системой договоров, лежал в основе военной системы Московского княжества⁵⁹.

Наконец, основные сведения о событиях второй половины XV в. отражены в летописях. Как полагал Ю. Г., в целом ряде летописей в записях о событиях великого княжения отразились сведения делопроизводственных документов⁶⁰. При этом сведения летописей могут обладать высокой степенью достоверности в случае, если они

⁵⁵ *Алексеев Ю. Г.* Русский частный акт XV в. и византийская традиция (к вопросу о византийском влиянии на русское право) // Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византинистов. М., 1991. Т. 1. С. 39–40.

⁵⁶ *Алексеев Ю. Г.*: 1) Белозерская уставная грамота 1488 г. и вопросы наместничьего суда. С. 221–222; 2) Россия и Византия: конец ойкумены // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. 1994. № 2, вып. 1. С. 12–25.

⁵⁷ *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 79.

⁵⁸ *Алексеев Ю. Г.* Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // ВИД. Л., 1987. Т. 18. С. 109.

⁵⁹ *Алексеев Ю. Г.* Межкняжеский союз XIV в. как военная система // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: материалы всерос. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. В. Мавродина. СПб., 2009. С. 84–86.

⁶⁰ *Алексеев Ю. Г.* Владимирский летописец и победа на Угре // ВИД. Л., 1985. Т. 16. С. 129–130.

согласуются с реалиями исследуемой эпохи. Например, упоминание о невозможности преодолеть осенью конному войску Ивана III путь от Москвы до Угры менее чем за 5–7 суток дало, помимо прочих сугубо источниковедческих аргументов Я. С. Лурье, повод Ю. Г. не согласиться с мнением В. Д. Назарова о дате выступления из Москвы, основанной на данных Успенского летописца⁶¹.

Ю. Г. использовал в исследовании все сохранившиеся тексты — официального и неофициального происхождения. В частности, о походе великого князя 1462 г. сообщает только Устюжская летопись, т. е. текст неофициальный, проникнутый «резко антивеликокняжеской направленностью»⁶². Записи о нем в официальных летописях отсутствуют, что, в свою очередь, свидетельствует об уровне «организации руководства военной деятельностью», развития делопроизводства⁶³.

Вместе с тем Ю. Г., в противоположность убежденности Я. С. Лурье, не считал, что неофициальный текст является более достоверным, поскольку «независим» от официальной позиции⁶⁴. Н. Н. Покровский, отдавая должное Ю. Г., как «опытному источниковеду», упрекнул его в том, что записи неофициальных и оппозиционных к великокняжеской власти источников историк считает менее достоверными⁶⁵. Почему Ю. Г. занимал такую позицию?

Какой бы ориентации ни придерживался летописец, нам понятны его сентенции. Собственно, они дают нам основания для определения его политических пристрастий. Но что касается фактических данных, то сведения официальных в своей основе текстов более достоверны, поскольку либо основаны непосредственно на официальных записях, либо их источником было лицо в той или иной степени приближенное к великому князю. Так же в нашем современном мире, обоснования действий официальной власти и оппозиции могут быть по-своему убедительными, оставаясь при этом субъективными. Относительно фактических сведений, в случае, если нам о них не сообщили оппозиционные средства массовой информации, наши знания будут основаны лишь на слухах и домыслах и носить малодостоверный характер. Так же малодостоверными будут наши объяснения поступков носителей

⁶¹ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от Ордынского ига. Л., 1989. С. 56, 59–64.

⁶² Алексеев Ю. Г. Владимирский летописец и победа на Угре. С. 127.

⁶³ Алексеев Ю. Г.: 1) Устюжская летопись и поход 1462 г. // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. 2001. Вып. 4. № 36. С. 19–28 ; 2) Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 21.

⁶⁴ См.: Лурье Я. С.: 1) Русь XV в.: отражение в раннем и независимом летописании // Вопросы истории. 1993. № 11/12. С. 3–17 ; 2) Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

⁶⁵ Покровский Н. Н. От редактора // Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 10.

власти — как бы они нам нравились или не нравились. Между тем они могут содержать сведения о фиктивных фактах. Применительно к событиям эпохи великого княжения Ивана III Ю. Г. показал, как сентенция неофициального текста приписала великому князю мысль бежать «на Окиян-море», а следующие неофициальные интерпретации превратили эту чудесную идею в факт — попытку его реализации (в Устюжской летописи)⁶⁶. Вероятность того, что великий князь поделился с источником летописца мыслью бежать «на Окиян-море», близка к нулю; а интерпретация — повышает ее убедительность для читателя.

Достоверность источника, писал Ю. Г., «может быть установлена путем конкретного изучения всего источникового и исторического контекста», а «независимость летописца — понятие довольно условное»⁶⁷. Собственно, в этом заложен и общий подход Ю. Г.: любые сведения, помимо их источниковедческого значения, должны быть оценены в контексте конкретных исторических событий с точки зрения их вероятности и возможности. Эта позиция отразилась даже в названии одного из разделов в книге Ю. Г.: «Послание на Угру» и историческая реальность»⁶⁸.

При изучении летописных текстов Ю. Г. Алексеев установил, что лапидарные записи за 1335–1523 гг. («Владимирский летописец»), содержащиеся в рукописи в качестве приписок к летописи, близкой к Симеоновской, возможно, были основаны на записях «типа походного дневника»⁶⁹. Походные росписи, вероятно, лежат в основе ранних записей разрядных книг⁷⁰. Сейчас нам известен более поздний вариант подобных делопроизводственных документов — Книга Полоцкого похода 1563 г. Наблюдения Ю. Г. Алексеева позволяют утверждать документальный характер источников летописных записей Московского свода 1479 г. в известиях с конца 1460-х гг. вплоть до 1479 г.⁷¹ Еще более важным является то, что помимо косвенных указаний на документальный характер источников летописных записей Ю. Г. Алексеев показал прямую зависимость текста летописного известия 6982 (1474) г. от

⁶⁶ Алексеев Ю. Г. Владимирский летописец и победа на Угре. С. 127.

⁶⁷ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства : Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 6, примеч. 13.

⁶⁸ Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от Ордынского ига. С. 117–127.

⁶⁹ Алексеев Ю. Г. Владимирский летописец и победа на Угре. С. 129–130.

⁷⁰ См.: Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. : сб. статей, посвящ. 75-летию Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 567–584.

⁷¹ Алексеев Ю. Г.: 1) Поход «миром» и Городищенское стояние 1475/76 г. // НИС. СПб. ; Новгород, 1993. Вып. 4 (14). С. 98–99; 2) Летняя кампания 1469 г. и великокняжеская летопись // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. 2003. Вып. 3, № 18. С. 3–16; 3) Походы русских войск при Иване III. С. 87.

записи наиболее ранней из сохранившихся посольских книг⁷². Данные, полученные Ю. Г. при изучении летописного материала и Судебника 1497 г.⁷³, разрядных записей⁷⁴, наряду с наблюдениями других исследователей, дают возможность утверждать, что появление специализированного ведомства приказного типа следует относить к более раннему периоду, нежели это считалось ранее⁷⁵.

Изучение эпохи Ивана III и ее ключевая роль в формировании единого государства на территории Восточной Европы привела Ю. Г. к необходимости более детального исследования основных направлений деятельности великого князя: военно-политической, судебной, административной. Каждому из этих направлений была посвящена отдельная работа — три книги, появившиеся в последние 20 лет его научного творчества: «У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв.» (СПб., 1998), «Судебник Ивана III. Традиция и реформа» (СПб., 2001), «Походы русских войск при Иване III» (СПб., 2007). Основные направления исследований и основные источники — все это было намечено Ю. Г. в предшествующих работах. И тем не менее каждая из работ требовала дополнительного изучения источников и историографии.

Особенностью работы с источниками в книге Ю. Г., посвященной развитию аппарата управления, стал особый подход к актовому и летописному материалу. Историка интересовал процесс «насыщения» летописного текста фактическими данными, их точность и безоценочность. В актах Ю. Г. более внимательно отнесся к вопросам их составления, структуры, объема сведений, а также к личности тех, кто окружал великого князя.

Итогом данной работы стала концепция развития системы управления в Московском княжестве. Вплоть до княжения Дмитрия Донского сохранялась старая система управления, основанная на устных распоряжениях, при которой сам князь лично вникает во все вопросы

⁷² Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства ... С. 99.

⁷³ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III : Традиция и реформа. С. 191.

⁷⁴ Алексеев Ю. Г. Походный дневник и разрядные записи (до 80-х гг. XV в.) // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. СПб., 2004. С. 15–16.

⁷⁵ Петров К. В.: 1) Делопроизводство центральных органов государственной власти в России в кон. XV – нач. XVI вв. (итоги и перспективы изучения) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли : материалы науч. конф. Великий Новгород, 1999. Ч. 1. С. 58–64 ; 2) О становлении приказного управления в Русском государстве в кон. XV в. (Комментарий к ст. 2 Судебника 1497 г.) // Судебник Ивана III : Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 49–63. Д. В. Лисейцев, рассматривая данную проблему, полностью обошел молчанием аргументы Ю. Г. Алексеева и других предшественников, приведя свои наблюдения относительно деятельности ямских дьяков в конце XV в. (см.: Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009).

управления, а бояре исполняют его распоряжения. С эпохи Дмитрия Донского фиксируются определенные изменения, связанные с ростом значения советников князя — бояр. Они принимают участие в управлении; появляется делопроизводственная документация. Наконец, к концу великого княжения Василия II происходят новые изменения, знаменующие новый, третий этап в развитии системы управления: появляется посредствующее звено в системе управления — «эмансипированный» дьяк, «через которого посредством письменных распоряжений» великий князь реализует государственную волю. Во время Ивана III процессы, намеченные в последние годы Василия II, усиливаются — появляются новые виды документации (посольские, разрядные, писцовые книги), отражающие функциональное разделение «прежде единой канцелярии» великого князя — «Казны»⁷⁶.

Некоторые направления исследований, заложенные при работе Ю. Г. над книгой об истории системы управления, были продолжены в исследованиях других историков. А. Ю. Савосичев дополнил список дьяков Ивана III сведениями новгородских писцовых книг⁷⁷; Д. А. Морозов и А. Л. Грязнов сделали важные наблюдения относительно монограмм дьяков на актах⁷⁸.

Исследование, посвященное великокняжескому Судебнику, в определенной степени отличалось от книги, посвященной ПСГ; причем эти отличия в меньшей степени затрагивали источниковедческие вопросы. Дело в том, что к моменту издания книги о Судебнике, в 1980–1990-е гг., работами В. Д. Назарова, Б. М. Клосса, А. И. Плигузова, Г. В. Семенченко был сделан существенный прорыв в его изучении⁷⁹. Вслед за Л. В. Черепниным Ю. Г. исходил из того, что сохранившийся список копирует не только текст, но и его расположение. Следовательно, его деление отражает подход составителя, его приоритеты в правовом регулировании

⁷⁶ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства ... С. 273–276.

⁷⁷ См.: Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013.

⁷⁸ См.: Морозов Д. А.: 1) Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева : Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 173–199 ; 2) Древнерусская надпись уйгурским письмом // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 100–103 ; Грязнов А. Л. Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV в. // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI вв.: призвание, творчество, научное служение историка : Памяти Сигурда Оттовича Шмидта : материалы XXVI междунар. научн. конф. М., 2014. С. 152–155.

⁷⁹ Например: Назаров В. Д., Клосс Б. М. Судебник 1497 г.: рукопись и текст // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 53–75 ; Плигузов А. И. О списках судебника и духовной грамоты Ивана III // Russian History. 2000. Vol. 27, pt. 2. P. 155–168 и др.

отношений⁸⁰. Ю. Г. предложил новое деление текста Судебника 1497 г. на 95 статей, в основе которого лежат палеографические признаки.

Главное заключалось в том, что понимание норм Судебника 1497 г. в значительной степени зависит от исторического контекста. В связи с этим Ю. Г. рассмотрел вопрос о роли княжеских нормативных распоряжений («уставной деятельности») к моменту его принятия. Вывод, к которому пришел исследователь, заключался в том, что в домонгольское время княжеская законотворческая деятельность выражалась «главным образом в выполнении князем судебных функций, ... а также в издании уставов»⁸¹. При этом в праве сосуществуют два направления, связанные с практической жизнью людей, — обычаи (традиции) и княжеская инициатива, которая проявляется исключительно в сфере суда и управления. С эпохи Дмитрия Донского, как полагал Ю. Г., можно говорить о «новом качестве власти». В ее основе — новое значение Москвы как политического и духовного центра Восточной Европы, новый стиль отношений между великим князем и ордынским ханом⁸².

В XIV–XV вв. основное направление княжеской законодательной деятельности заключалось в росте процесса феодализации, которую следует понимать как передачу княжим людям на основании жалованных грамот земель в вотчину. При этом по существу передаются лишь судебно-административные права над крестьянами. Более того, новые нормы в данном случае не создаются, отношения между населением вотчины и вотчинников регулируются обычаями. Деятельность князя направлена на расширение сферы действия существующих норм⁸³. Изменения в системе управления, начало которых падает на 1450-е гг. (первое упоминание о «суде боярском» в 1456–1462 гг.), знаменует процесс «спонтанных реформ», то есть «процесс постепенной выработки новых форм управления путем приспособления старых традиционных институтов к новым потребностям» государства⁸⁴. В этом контексте следует, как считал Ю. Г., рассматривать Белозерскую уставную грамоту и далее — Судебник 1497 г. В целом, в ходе преобразований Ивана III происходит фактическая ликвидация системы уделов, одновременно утверждается суверенитет государства, формируется земско-служилое государство — «русский вариант централизованной монархии позднего средневековья»⁸⁵.

⁸⁰ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III : Традиция и реформа. С. 157–179 ; 2) Судебник Ивана III : Вопросы структуры текста // Судебник Ивана III : Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 15–38.

⁸¹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III : Традиция и реформа. С. 79.

⁸² Там же. С. 83–85.

⁸³ Там же. С. 90–91.

⁸⁴ Там же. С. 101.

⁸⁵ Там же. С. 431.

Те же процессы в военно-политической сфере нашли свое отражение в последней книге Ю. Г. — «Походы русских войск при Иване III». В ней показано, как постепенно в результате роста территории Московского великого княжества меняется тип руководства военными силами — от личного участия князя в сражении, выработки им тактических действий и стратегической политики к разделению этих функций. Стратегические вопросы военной политики остаются в ведении великого князя («верховное главнокомандование»), и в зависимости от них формируются несколько тактических направлений, в которых принимают участие отдельные полки, руководители которых решают сугубо тактические вопросы на данном конкретном направлении военных действий.

В последнее время Ю. Г. начал реализацию большой работы, посвященной военно-политической деятельности Федора Ушакова — адмирала, не проигравшего ни одного сражения и не потерявшего ни одного корабля. Исследование требовало привлечения принципиально новых источников. Но работа осталась незавершенной.

РЕЗЮМЕ

В статье дается анализ научного творчества Ю. Г. Алексеева. Основное внимание уделяется рассмотрению характера, методов и способов использования исторических источников в его работах. Рассматриваются вопросы палеографического анализа текстов в работах историка, подходы исследователя к источникам с точки зрения достоверности и полноты сообщаемых ими фактических данных.

SUMMARY

The paper gives the analysis of the scientific creativity of Yu. G. Alekseev. The main attention is paid to the consideration of the character, methods, and ways of using historical sources in his works. The questions of paleographic analysis of texts in the works of the historian, approaches of the researcher to sources from the point of view of reliability and completeness of the factual data reported by the sources are considering.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

История России, землевладение, волость, поместье, вотчина, источниковедение, методы исторического исследования, история права, Иван III, Судебник 1497 г., Псковская судная грамота, военная история, аграрная история.

KEY WORDS

History of Russia, landownership, volost', pomest'e, votchina, source study, historical research methods, history of law, Ivan III, Sudebnik of 1497, the Pskov Judicial Charter, military history, agrarian history.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аграрная и социальная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974.

Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966.

Алексеев Ю. Г. Белозерская Уставная Грамота 1488 г. — закон Русского государства о местном управлении // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. 1998. № 9, вып. 2.

Алексеев Ю. Г. Белозерская уставная грамота 1488 г. — первый законодательный акт единого русского государства // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: тезисы докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимины. М., 1990.

Алексеев Ю. Г. Белозерская уставная грамота 1488 г и вопросы наместничьего суда // ВИД. Л., 1991. Т. 23.

Алексеев Ю. Г. Белозерская уставная грамота и некоторые вопросы социальной политики Ивана III // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб., 1991.

Алексеев Ю. Г. Владимирский летописец и победа на Угре // ВИД. Л., 1985. Т. 16.

Алексеев Ю. Г. Волость в Переяславском уезде XV в. // Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960. (Труды ЛОИИ; вып. 2).

Алексеев Ю. Г. Вопросы истории текста Псковской судной грамоты // ВИД. Л., 1979. Т. 11.

Алексеев Ю. Г. Господин Псков и великокняжеская власть в 80-х гг XV в. // Славяно-русские древности. Вып. 3: Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995.

Алексеев Ю. Г. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // ВИД. Л., 1987. Т. 18.

Алексеев Ю. Г. «Запись что тянет душегубством к Москве». Некоторые вопросы датировки и содержания // Российское самодержавие и бюрократия: сб. статей в честь Н. Ф. Демидовой. М.; Новосибирск, 2000.

Алексеев Ю. Г. Землевладение Переяславского уезда XV – начала XVI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963.

Алексеев Ю. Г. Летняя кампания 1469 г. и великокняжеская летопись // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 2. 2003. Вып. 3, № 18.

Алексеев Ю. Г. Мавродинский союз XIV в. как военная система // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: материалы всерос. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. В. Мавродина. СПб., 2009.

Алексеев Ю. Г. Москва и Псков накануне включения Пскова в состав Русского государства (60–70-е гг. XV в.) // Археология и история Пскова и псковской земли: тезисы докл. научно-практ. конф. Псков, 1986.

Алексеев Ю. Г. О становлении приказного управления в Русском государстве в кон. XV в. (Комментарий к ст. 2 Судебника 1497 г.) // Судебник Ивана III : Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004.

Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от Ордынского ига. Л., 1989.

Алексеев Ю. Г. Палеографические наблюдения над списками Псковской судной грамоты // ВИД. Л., 1978. Т. 10.

Алексеев Ю. Г. Поход «миром» и Городищенское стояние 1475/76 г // НИС. СПб. ; Новгород, 1993. Вып. 4 (14).

Алексеев Ю. Г. Походный дневник и разрядные записи (до 80-х гг XV в.) // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. СПб., 2004.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.

Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время : Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.

Алексеев Ю. Г. Псковские купчие XIV–XV вв. // ВИД. Л., 1976. Т. 7.

Алексеев Ю. Г. Россия и Византия: конец ойкумены // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Серия 2. 1994. № 2, вып. 1.

Алексеев Ю. Г. Русский частный акт XV в. и византийская традиция (к вопросу о византийском влиянии на русское право) // Резюме сообщений XVIII Международного конгресса византинистов. М., 1991. Т. 1.

Алексеев Ю. Г. Статьи о «вдачестве» (опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов) // ВИД. Л., 1978. Т. 9.

Алексеев Ю. Г. Структура текста Псковской судной грамоты // ВИД. Л., 1981. Т. 12.

Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III : Вопросы структуры текста // Судебник Ивана III : Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004.

Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III : Традиция и реформа. СПб., 2001.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства : Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.

Алексеев Ю. Г. Устюжская летопись и поход 1462 г. // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Серия 2. 2001. Вып. 4, № 36.

Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт феодальной Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты) // ВИД. Л., 1974. Т. 6.

Алексеев Ю. Г. Челядин-наймит Правосудия митрополичьего // Россия на путях централизации. М., 1982.

Алексеев Ю. Г. Черная волость Костромского уезда в XV в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России : сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967.

Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. : сб. статей, посвящ. памяти Алексея Андреевича Новосельского. М., 1975.

Аракчеев В. А. «Запись о душегубстве». Административно-судебная практика великих московских князей в XV в. // Известия Уральского гос. ун-та. 2008. № 59.

Аракчеев В. А. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

Аракчеев В. А., Стрельников С. В. Юрий Георгиевич Алексеев // Исследования по истории средневековой Руси : К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М. ; СПб., 2006.

Баранкова Г. С. Сборники дидактического характера, обращенные к иереям и мирянам // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53).

Бочкарев В. В. К изучению «Записки что тянет душегубством к Москве» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53).

Валк С. Н. Иван Иванович Смирнов // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России : сб. статей памяти Ивана Ивановича Смирнова Л., 1967. (Труды ЛОИИ ; вып. 9).

Головачева У. Е. Судьи по земельным делам в Русском государстве XV – середины XVI в.: персональный состав, должностное и социальное положение : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

Горина Л. В. К истории духовно-культурных связей Византии, Болгарии и Руси (Русская кормчая второй половины XIII в.) // Славяне и их соседи. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья : сб. тезисов XX конф. памяти В. Д. Королюка. М., 2001.

Груша А. И. Недоверие — не из-за него ли появился письменный акт? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1.

Груша А. И. Почему общество Великого княжества Литовского стало нуждаться в правовом документе? : (К постановке проблемы) // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии : К 80-летию Сергея Михайловича Каштанова : материалы XXIV междунар. науч. конф. М., 2012.

Грязнов А. Л. Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV в. // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI вв.: призвание, творчество, научное служение историка : Памяти Сигурда Отговича Шмидга : материалы XXVI междунар. науч. конф. М., 2014.

Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999.

Каштанов С. М. К теории и практике сравнительного источниковедения // Норна у источника Судьбы : сб. статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001.

Каштанов С. М. Общие тенденции развития документирования в канцеляриях средневековой Руси // Восточная Европа в исторической ретроспективе : К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. М., 2003.

Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009.

Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.

Лурье Я. С. Русь XV в.: отражение в раннем и независимом летописании // Вопросы истории. 1993. № 11/12.

Максимович К. А. Византийская практика публичного покаяния в Древней Руси: терминология и проблемы рецепции // *Rissica Romana*. 1995. Vol. 2.

Морозов Д. А. Древнерусская надпись уйгурским письмом // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63).

Морозов Д. А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева : сб. статей по истории и источниковедению. М., 2006.

Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. : сб. статей, посвящ. 75-летию Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002.

Назаров В. Д., Клосс Б. М. Судебник 1497 г.: рукопись и текст // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000.

Панеях В. М. Время возникновения древнерусского частного акта (Историографические заметки) // *Панеях В. М.* Историографические этюды. СПб., 2005.

Петров К. В. Делопроизводство центральных органов государственной власти в России в кон. XV – нач. XVI вв. (итоги и перспективы изучения) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли : материалы науч. конф. Великий Новгород, 1999. Ч. 1.

Петров К. В. К вопросу о рецепции византийского права в домонгольской Руси // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3 : Третьи чтения памяти академика Л. В. Милова. М., 2013.

Петров К. В. Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство в XIV–XVII вв. : сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002.

Плигузов А. И. О списках судебного и духовной грамоты Ивана III // Russian History. 2000. Vol. 27, pt. 2.

Покровский Н. Н. От редактора // Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.

Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013.

Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV–XIV вв. (по поводу исследования Л. В. Черепнина «Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв.») // История СССР. 1962. № 2. С. 138–161; № 3. С. 137–162.

Смирнов И. И. Очерки социально-экономической истории Руси XII–XIII вв. М., 1963.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М. ; Л., 1948. Ч. 1.

Штыков Н. В. Юрий Георгиевич Алексеев — профессор Санкт-Петербургского государственного университета // Русское средневековье : сб. статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2012.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. : хронологический комментарий. М. : Наука, 1991

Weickhardt G. Pre-Petrine Law and Western Law : The Influence of Roman and Canon Law // Камень Краеугольный. Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward Keenan on his Sixtieth Birthday (= Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19). Cambridge, 1997.

REFERENCES

Agrarnaya i social'naya istoriya Severo-Zapada Rossii. Vtoraya polovina XV – nachalo XVI v. / otv. red. A. L. Shapiro. Leningrad, 1971.

Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii XVI veka: Novgorodskie pyatiny / otv. red. A. L. Shapiro. Leningrad, 1974.

Alekseev Yu. G. Agrarnaya i social'naya istoriya Severo-Vostochnoj Rusi XV–XVI vv.: Pereyaslavskij uезд. Moskva ; Leningrad, 1966.

Alekseev Yu. G. Belozerskaya ustavnaya gramota 1488 g. — pervyj zakonodatel'nyj akt edinogo russkogo gosudarstva // Spornye voprosy otechestvennoj istorii XI–XVIII vv. : tezisy dokladov i soobshhenij Pervyx chtenij, posvjashhennykh pamyati A. A. Zimina. Moskva, 1990.

Alekseev Yu. G. Belozerskaya Ustavnaya Gramota 1488 g. — zakon Russkogo gosudarstva o mestnom upravlenii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. 1998. N 9, vyp. 2.

Alekseev Yu. G. Belozerskaya ustavnaya gramota 1488 g. i voprosy namestnich'ego suda // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad, 1991. T. 23.

Alekseev Yu. G. Belozerskaya ustavnaya gramota i nekotorye voprosy social'noj politiki Ivana III // Problemy social'no-ekonomicheskoy istorii Rossii : K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. A. Romanova. SPb., 1991.

Alekseev Yu. G. Chastnyj zemel'nyj akt feodal'noj Rusi (ot Russkoj Pravdy do Pskovskoj sudnoj gramoty) // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad, 1974. T. 6.

Alekseev Yu. G. Chelyadin-najmit Pravosudiya mitropolich'ego // Rossiya na putyakh centralizacii. Moskva, 1982.

Alekseev Yu. G. Chernaya volost' Kostromskogo uezda v XV v. // Krest'janstvo i klassovaya bor'ba v feodal'noj Rossii : sbornik statej pamyati I. I. Smirnova. Leningrad, 1967.

Alekseev Yu. G. Dukhovnye gramoty knyazej Moskovskogo doma XIV v. kak istochnik po istorii udel'noj sistemy // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad, 1987. T. 18.

Alekseev Yu. G. Gospodin Pskov i velikoknyazheskaya vlast' v 80-kh gg. XV v. // Slavyano-russkie drevnosti. Vyp. 3 : Problemy istorii Severo-Zapada Rusi. SPb., 1995.

Alekseev Yu. G. Letnyaya kompaniya 1469 g. i velikoknyazheskaya letopis' // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. 2003. Vyp. 3, N 18.

Alekseev Yu. G. Mezhknyazheskij soyuz XIV v. kak voennaya sistema // Mavrodinskije chteniya. 2008. Peterburgskaya istoricheskaya shkola i rossijskaya istoricheskaya nauka: diskussionnye voprosy istorii, istoriografii, istochniko-vedeniya : materialy vsrossijskoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Mavrodina. SPb., 2009.

Alekseev Yu. G. Moskva i Pskov nakanune vklyucheniya Pskova v sostav Russkogo gosudarstva (60–70-e gg. XV v.) // Arheologiya i istoriya Pskova i pskovskoj zemli : tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferencii. Pskov, 1986.

Alekseev Yu. G. O stanovlenii prikaznogo upravleniya v Russkom gosudarstve v kon. XV v. (Kommentarij k st. 2 Sudebnika 1497 g.) // Sudebnik Ivana III : Stanovlenie samodержavnogo gosudarstva na Rusi. SPb., 2004.

Alekseev Yu. G. Osvobozhdenie Rusi ot Ordynskogo iga. Leningrad, 1989.

Alekseev Yu. G. Paleograficheskie nablyudeniya nad spiskami Pskovskoj sudnoj gramoty // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad, 1978. T. 10.

Alekseev Yu. G. Pokhod «mirom» i Gorodishenskoe stoyanie 1475/76 g. // Novgorodskij istoricheskij sbornik. SPb. ; Novgorod, 1993. Vyp. 4 (14).

Alekseev Yu. G. Pokhodnyj dnevnik i razryadnye zapisi (do 80-kh gg. XV v.) // Mavrodinskije chteniya. 2004. Aktual'nye problemy istoriografii i istoricheskoy nauki. SPb., 2004.

Alekseev Yu. G. Pokhody russkikh vojsk pri Ivane III. SPb., 2007.

Alekseev Yu. G. Pskovskaya sudnaya gramota i eyo vremya. Razvitie feodal'nykh otnoshenij na Rusi XIV–XV vv. Leningrad, 1980.

Alekseev Yu. G. Pskovskie kupchie XIV–XV vv. // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad, 1976. T. 7.

Alekseev Yu. G. Rossiya i Vizantiya: konec ojkumeny // Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 2. 1994. N 2, vyp. 1.

Alekseev Yu. G. Russkij chastnyj akt XV v. i vizantijskaya tradiciya (k voprosu o vizantijskom vliyanii na russkoe pravo) // Rezyume soobshhenij XVIII Mezhdunarodnogo kongressa vizantinistov. Moskva, 1991. T. 1.

Alekseev Yu. G. Stat'i o «vdachestve» (opyt terminologicheskogo analiza drevnerusskikh yuridicheskikh tekstov) // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad, 1978. T. 9.

Alekseev Yu. G. Struktura teksta Pskovskoj sudnoj gramoty // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad, 1981. T. 12.

Alekseev Yu. G. Sudebnik Ivana III : Tradiciya i reforma. SPb., 2001.

Alekseev Yu. G. Sudebnik Ivana III : Voprosy struktury teksta // Sudebnik Ivana III : Stanovlenie samodержavnogo gosudarstva na Rusi. SPb., 2004.

Alekseev Yu. G. U kormila Rossijskogo gosudarstva : Ocherk razvitiya apparata upravleniya XIV–XV vv. SPb., 1998.

Alekseev Yu. G. Ustyuzhskaya letopis' i pokhod 1462 g. // Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 2. 2001. Vyp. 4, N 36.

Alekseev Yu. G. Vladimirskij letopisech i pobeda na Ugre // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad, 1985. T. 16.

Alekseev Yu. G. Volost' v Pereyaslavskom uезде XV v. // Voprosy ekonomiki i klassovykh otnoshenij v russkom gosudarstve XII–XVII vv. Moskva ; Leningrad, 1960. (Trudy LOII ; vyp. 2).

Alekseev Yu. G. Voprosy istorii teksta Pskovskoj sudnoj gramoty // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Leningrad, 1979. T. 11.

Alekseev Yu. G. «Zapis' chto tyanet dushegubstvom k Moskve» : Nekotorye voprosy datirovki i sodержaniya // Rossijskoe samodержavie i byurokратиya : sbornik statej v chest' N. F. Demidovoj. Moskva ; Novosibirsk, 2000.

Alekseev Yu. G. Zemlevladienie Pereyaslavskogo uезда XV – nachala XVI vv. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1963.

Alekseev Yu. G., Kopanев A. I. Razvitie pomestnoj sistemy v XVI v. // Dvoryanstvo i krepostnoj stroj Rossii XVI–XVIII vv. : sbornik statej, posvyashhennyj pamyati Alekseya Andreevicha Novosel'skogo. Moskva, 1975.

Arakcheev V. A. Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglykh soslovij v Rossii vtoroj poloviny XVI – nachala XVII v. : dis. ... d-ra ist. nauk. Moskva, 2011.

Arakcheev V. A. «Zapis' o dushegubstve». Administrativno-sudebnaya praktika velikikh moskovskikh knyazej v XV v. // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. N 59.

Arakcheev V. A., Strel'nikov S. V. Yuriy Georgievich Alekseev // Issledovaniya po istorii srednevekovoj Rusi : K 80-letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva. Moskva ; SPb., 2006.

Barankova G. S. Sborniki didakticheskogo kharaktera, obrashhennye k iereyam i miryanam // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2013. N 3 (53).

Bochkarev V. V. K izucheniyu «Zapisi chto tyanet dushegubstvom k Moskve» // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2013. N 3 (53).

Cherepnin L. V. Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vv. Moskva ; Leningrad, 1948. Ch. 1.

Golovacheva U. E. Sud'i po zemel'nym delam v Russkom gosudarstve XV – sere diny XVI v.: personal'nyj sostav, dolzhnostnoe i social'noe polozhenie : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2012.

Gorina L. V. K istorii dukhovno-kul'turnykh svyazej Vizantii, Bolgarii i Rusi (Russkaya kormchaya vtoroj poloviny XIII v.) // Slavyane i ikh sosedi : Stanovlenie slavyanskogo mira i Vizantiya v epokhu rannego srednevekov'ya : sbornik tezisov XX konferencii pamyati V. D. Korolyuka. Moskva, 2001.

Grusha A. I. Nedoverie — ne iz-za nego li poyavilsya pis'mennyj akt? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. N 1.

Grusha A. I. Pochemu obshhestvo Velikogo knyazhestva Litovskogo stalo nuzhdat'sya v pravovom dokumente? : (K postanovke problemy) // Problemy diplomatiki, kodikologii i aktovoj arheografii : K 80-letiyu Sergeya Mihajlovicha Kashtanova : materialy XXIV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 2012.

Gryaznov A. L. D'yacheskie monogrammy na dukhovnykh i dogovornykh gramotakh moskovskikh knyazej XV v. // Vspomogatel'nye i special'nye nauki istorii v XX – nachale XXI vv.: prizvanie, tvorchestvo, nauchnoe sluzhenie istorika : Pamyati Sigurda Ottovicha Shmidta : materialy XXVI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 2014.

Kashtanov S. M. K teorii i praktike sravnitel'nogo istochnikovedeniya // Norma u istochnika Sud'by : sbornik statej v chest' E. A. Mel'nikovoj. Moskva, 2001.

Kashtanov S. M. Obshhie tendencii razvitiya dokumentirovaniya v kancel'yariyakh srednevekovoj Rusi // Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospective : K 80-letiyu V. T. Pashuto. Moskva, 1999.

Kuchkin V. A. Dogovornye gramoty moskovskikh knyazej XIV v. Moskva, 2003.

Lisejcev D. V. Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty. Tula, 2009.

Lur'e Ya. S. Dve istorii Rusi XV v. Rannie i pozdnie, nezavisimye i oficial'nye letopisi ob obrazovanii Moskovskogo gosudarstva. SPb., 1994.

Lur'e Ya. S. Rus' XV v.: otrazhenie v rannem i nezavisimom letopisanii // Voprosy istorii. 1993. N 11/12.

Maksimovich K. A. Vizantijskaya praktika publichnogo pokayaniya v Drevnej Rusi: terminologiya i problemy recepcii // Rissica Romana. 1995. Vol. 2.

Morozov D. A. Drevnerusskaya nadpis' ujugurskim pis'mom // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2016. N 1 (63).

Morozov D. A. Ujugurskie avtografy moskovskikh d'yakov (dopolnenie k drevnerusskoj diplomatike) // Pamyati Lukicheva : sbornik statej po istorii i istochnikovedeniyu. Moskva, 2006.

Nazarov V. D. Netitulovannaya znat' po pokhodnomu spisku dvora Ivana III v 1495 g. // Rossijskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv. : sbornik statej, posvyashhennyj 75-letiyu Yu. G. Alekseeva. SPb., 2002.

Nazarov V. D., Kloss B. M. Sudebnik 1497 g.: rukopis' i tekst // Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubeznogo prava XI–XIX vv. Moskva, 2000.

Paneyakh V. M. Vremya vznikeniya drevnerusskogo chastnogo akta (Istoriograficheskie zametki) // *Paneyakh V. M.* Istoriograficheskie etudy. SPb., 2005.

Petrov K. V. Deloproizvodstvo central'nykh organov gosudarstvennoj vlasti v Rossii v kon. XV – nach. XVI vv. (itogi i perspektivy izucheniya) // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli : materialy nauchnoj konferencii. Velikij Novgorod, 1999. Ch. 1.

Petrov K. V. K voprosu o recepcii vizantijskogo prava v domongol'skoj Rusi // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 3 : Tret'i chteniya pamyati akademika L. V. Milova. Moskva, 2013.

Petrov K. V. Yuriy Georgievich Alekseev i ego put' v istorii // Rossijskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv. : sbornik statej, posvyashhennyj 75-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. G. Alekseeva. SPb., 2002.

Pliguzov A. I. O spiskakh sudebnika i dukhovnoj gramoty Ivana III // Russian History. 2000. Vol. 27, pt. 2.

Pokrovskij N. N. Ot redaktora // Gosudar' vseya Rusi. Novosibirsk, 1991.

Savosichev A. Yu. D'yaki i pod'yachie XIV – pervoj treti XVI v.: proisshozhdenie i social'nye svyazi : Opyt prosopograficheskogo issledovaniya. Orel, 2013.

Shtykov N. V. Yuriy Georgievich Alekseev — professor Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta // Russkoe srednevekov'e : sbornik statej v chest' professora Yuriya Georgievicha Alekseeva. Moskva, 2012.

Smirnov I. I. Ocherki social'no-ekonomicheskoi istorii Rusi XII–XIII vv. Moskva, 1963.

Smirnov I. I. Zametki o feodal'noj Rusi XIV–XIV vv. (po povodu issledovaniya L. V. Cherepnina «Obrazovanie russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv.») // Istoriya SSSR. 1962. N 2. S. 138–161; N 3. S. 137–162.

Valk S. N. Ivan Ivanovich Smirnov // Krest'yanstvo i klassovaya bor'ba v feodal'noj Rossii : sbornik statej pamyati Ivana Ivanovicha Smirnova. Leningrad, 1967. (Trudy LOII ; vyp. 9).

Yanin V. L. Novgorodskie akty XII–XV vv. : khronologicheskij kommentarij. Moskva : Nauka, 1991.

Zimin A. A. Pravda Russkaya. Moskva, 1999.